

УДК 094.1:371.671(477+476)“16/17”

УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКИЕ КИРИЛЛИЧЕСКИЕ БУКВАРНЫЕ КАТЕХИЗИСЫ XVII–XVIII ВВ.*

Маргарита КОРЗО

*Институт философии Российской Академии наук,
ул. Волхонка, 14, г. Москва, 119992, Россия, тел. (095) 203-93-78*

Статья посвящена описанию структуры и содержательному анализу текстов катехетического характера в составе украинско-белорусских кириллических букварей XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: букварь, катехизис, религиозные традиции, украинско-белорусские старопечатные издания.

Настоящее исследование имеет своей целью описание структуры и содержательный анализ текстов катехетического характера, которые помещались в старопечатных украинско-белорусских кириллических изданиях элементарных книжек для детей в качестве приложения. Подобную литературу книжники рубежа XVI–XVII вв. чаще всего именовали “азбуками”, но уже с начала XVII в. на титульном листе учебников все чаще появляется название “букварь”¹.

В ранних печатных изданиях в качестве учебного материала использовались т.н. толковые азбуки, а также подборка молитв из Часослова. Толковая азбука (иначе – азбучная молитва или азбучный акростих) состояла из изречений Св. Писания и нравственно-поучительных высказываний к буквам алфавита (организована в форме акростиха, начальные буквы строк которого и образуют азбуку). Акростихи (жанр весьма популярный в средневековой книжности в целом, и в славянской – в частности) дошли до нас в многочисленных рукописных сборниках XV–XVI вв.; в печатной форме толковая азбука появляется впервые во Львовском букваре Ивана Федорова 1574 г. (л. 23 – 24 об.)². По мнению В. И. Лукьяненко, первопечатный акростих не может быть полностью отождествлен ни с одной из рукописных его версий. Наиболее близкими по содержанию являются азбуки “Азь есмь богъ” (“**азъ есмь бѣ**”)³ и “Азбука о Христе”

* Статья подготовлена при поддержке программы Европейского университета в Санкт-Петербурге “Развитие социальных исследований образования в России” (грант № 01П-042) и “Фонда содействия отечественной науке”.

¹ Впервые – на титуле издания Виленского православного братства (Евье, 24. VII. 1618). См.: Книга Беларусі: 1517–1917. Зводны каталог / Склад. Г. Я. Галенчанка, інш. – Мінск, 1986. – № 83. – С. 89–90. Вслед за А. А. Крумингом, букварем будем называть “пособие для обучения чтению, имеющее форму брошюры или небольшой книги, а азбукой подобное же пособие, но меньшего объема (не более 4 страниц), напечатанное в виде листовки, таблицы и т. п.” (Круминг А. А. Первпечатные славянские буквари // Федоровские чтения: 1983 / Под ред. Е. Л. Немировского. – Москва, 1987. – С. 74). Азбуки и т. н. азбуки-прописи в данном исследовании не учитываются.

² Факсимильное издание: Буквар Ивана Федорова / Післямова В. Німчука. – Київ, 1975. Старейший славянский акростих – “Азбучная молитва” приписывается болгарскому писателю Константину Преславскому (IX–X вв.); но книжники интересующей нас эпохи считали ее составителем самого Кирилла Философа (см.: Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. – Москва, 1974. – С. 81).

³ См. текст этого акростиха по сербскому списку XIV в. в: Ягичь И. В. Разсуждения о южно-славянской и русской старине о церковно-славянскомъ языкѣ // Изслѣдованія по русскому языку Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. – Санкт-Петербургъ, 1885 – 1895. – Т. I. – С. 304.

(“**Азъ есмь всемъ миръ свѣтъ**”)⁴. Отличие первопечатного акростиха от большинства более ранних рукописных состоит в том, что, во-первых, он не мог служить первым пособием для усвоения букв, так как не образует полного алфавитного ряда (доходит только до буквы “щ”) и, во-вторых, не во всех строках воспроизводится полное название букв алфавита⁵. После Львовского издания 1574 г. данная толковая азбука воспроизводится в изданиях: Острог, ок. 1578; Острог, 1582–1583; Острог 1598⁶; в Виленской грамматике (тип. Мамоничей, 1621), в дошедшем до нас только во фрагменте издания Тимофея Вербицкого (Киев, 1627)⁷, в букварях Спиридона Соболя (1631 и 1636), а также в учебниках московского печатника Василия Бурцова (1634 и 1637).

Уникальным в своем роде с точки зрения содержания толковой азбуки является Виленское издание (предположительно, типография Мамоничей), датированное английскими библиографами Дж. Барникотом и Дж. Симмонсом 1593–1601 гг.⁸ После традиционных для азбук (букварей) разделов (алфавит, слоги, “слози словесъ подь титлами”, др.), идут пять различных по содержанию толковых азбук. Первая (по началу строкам “**Азъ наречеся адамъ**”) представляет историю творения Адама и преступления им в раю заповедей Бога, а также кратко излагает историю спасения. Это – одна из редакций широко распространенной в древней книжности “Азбуки об Адаме”⁹. Второй акростих – “**абѹка покаяѹаа**”, организованная по принципу покаянного псалма, как обращенные к Богу рыдания грешника с мольбой о прощении, может быть идентифицирована с одной из разновидностей толковой азбуки “Азъ къ тебѣ припадаю, милостиве, грѣхи многими одержимъ есмь”¹⁰. Третий акростих “**абѹка о позванїи**

⁴ См. текст по сербскому списку XV – XVI вв. (в составе Погодинской Псалтыри следованной) в: *Соболевскій А.И.* Матеріалы и исслѣдованія въ области славянской филологїи и археологїи // Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. – Санкт-Петербургъ, 1910. – Т. 88. – № 3. – С. 33-34.

⁵ Подробнее об этом см.: *Лукияненко В.И.* Азбука Ивана Федорова, ее источники и видовые особенности // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). – Москва; Ленинград, 1960. – Т. 16. – С. 217–219 и далее. Но, строго говоря, не все рукописные акростихи в полной мере выдерживали этот принцип.

В.И. Лукияненко считает, что в составе первопечатных азбук (в отличие от азбук рукописных) “первыми пособиями для запоминания букв служили отнюдь не азбучные акростихи, а прямой, обратный и смешанные буквенные ряды” (*Лукияненко В.И.* К истории русского букваря (роль и значение азбучного акростиха в процессе обучения русской грамоте в XIV и первой половине XVI вв.) // Труды Ленинградского Государственного Библиотечного Института им. Н.К. Крупской. – Ленинград, 1958. – Т. IV. – С. 253).

⁶ Датировка Острожских изданий дается по: *Лукияненко В.И.* Переиздания первопечатной азбуки Ивана Федорова // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. – Ленинград, 1979. – С. 24–25.

⁷ Этот фрагмент, найденный в составе конволюта в собраниях Церковно-археологического музея Киевской духовной академии, опубликован в издании: Буквар Тимофея Вербицкого 1627 року / Упор. О. Дзюба, В. Фрис. – Київ, 1995.

⁸ Бодлейанская библиотека, г. Оксфорд; микрофильм Музея Книги Российской Государственной библиотеки, г. Москва (далее – МК) (7-65/438). Описание см. в: *Barnicot J.D.A., Simmons J.S.G.* Some Unrecorded Early-printed Slavonic Books in English Libraries // Oxford Slavonic Papers. – 1951. – V. 2. – P. 106 (N 6).

⁹ Одна из редакций (по списку конца XV в.) опубликована в исследовании: *Демкова Н.С., Дробленкова Н.Ф.* К изучению славянских азбучных стихов // ТОДРЛ. – 1968. – Т. 23. – С. 60–61.

¹⁰ Текстуально наиболее близкая редакция помещена у А.И. Соболевского (Матеріалы и исслѣдованія... – С. 15–17). Азбучный акростих приводится по списку XVII в. В рукописи отсутствует последняя фраза, приводимая в печатном издании: “**Яко Дѣъ вопію ти || помилуй мя бже || повелѣней мѣти твоєї || помногы || щедротамъ твоимъ**” (л. 15 об). Самый ранний список “Покаянной азбуки” относится ко второй половине XIII в. Опубликован А.И. Соболевским в: Сборник за народнии умотворения науки и книжина. – София, 1900. – Кн. 16. – С. 321–323.

нашемъ, и о рабѣ Ёжѣи” также построен как псалом и повествует о призвании человека и о наградах, даруемых Богом праведникам. Это, предположительно, текст полеми-ческого антииудейского акростиха: он именуется в литературе несколько иначе (“О позвании нищем и о жалобе божии”), но начинается с той же строфы, что и в Виленском издании (“**Аз пророческим гласом совершитель**”)¹¹. Четвертая толковая азбука, не имеющая названия, начинается со слов “**Азъ есмь Гь**”; она повествует о Боге и (повторяя отчасти по содержанию первый акростих) об истории спасения. Она представляет собой разновидность упоминавшейся выше азбуки “**Азъ есмь богъ**”, именуемую “**Аз есмь Бог первый**”¹². Пятый и последний акростих приводится с подзаголовком “**абѹка толковаа сложно о въскресенїи гни, довѣхъ ѣты**”¹³; в нем говорится о воскресении Иисуса Христа, просветлении тел и ниспослании Св. Духа на апостолов. Акростих этот, правда, неполный: отсутствуют буквы “д” и “ж”. У этого акростиха также есть текстуально близкие аналоги в рукописной традиции¹³.

Такой набор толковых азбук, который приводится в Виленском издании 1593–1601 гг., в известных библиографам старопечатных украинских и белорусских изданиях нигде больше не встречается, также как и сами толковые азбуки после букварей Спиридона Соболя в учебных изданиях украинско-белорусской печати не воспроизводятся¹⁴.

В строгом смысле слова тексты толковых азбук нельзя рассматривать как тексты катехетического характера: в первую очередь они были предназначены для обучения грамоте и для чтения, и их учебная функция превалировала (хотя, безусловно, религиозно-нравственное содержание заучивавшихся наизусть акростихов также было призвано формировать у ребенка христианское мировоззрение). Катехизисы, которые впервые появляются в изданиях Виленского православного братства, выполняют несколько иную функцию: во-первых, это уже самостоятельная часть учебника, не связанная с частью грамматической и не предполагающая, что ее будут использовать для овладения навыками чтения; во-вторых, эти тексты (поучения) создавались специально для усвоения учениками основ христианского вероучения, и выполняли, таким образом, функцию индоктринации.

Самые ранние из дошедших до нас текстов украинско-белорусских букварных катехизисов принадлежат братьям Стефану и Лаврентию Зизаниям. В издании 1596 г. “**Наѹка кѹ читаню, и розѹмѣню писма слоеского: тѹ тѹ* ѿ сѣой тройци, и ѿ въчловеченїи гдни**” (Вильно: братская тип.) вторая часть представляет собой изложение основ веры в форме вопросов и ответов (л. 38 об. – 44 об.)¹⁵. Грамматический раздел составлялся Лаврентием, а раздел катехетический – Стефаном Зизанием. Кате-

¹¹ Данный антииудейский акростих описан (без приведения текста целиком) в издании: *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. – Москва; Ленинград, 1937. – С. 11.

¹² См. текст по списку 1632 г.: *Демкова Н. С., Дробленкова Н. Ф.* К изучению славянских азбучных стихов. – С. 59–60.

¹³ См., например, толковую азбуку из Кирилло-Белозерского сборника 1492 г.: *Соболевский А. И.* Материалы и исследования. – С. 30–33.

¹⁴ В рукописной традиции азбучные акростихи сохраняются дольше. См., например, толковую азбуку, составленную из фраз акростиха Львовского букваря 1574 г. и нравоучительных сентенций в “Азбуке скорописной для малолѣтнихъ дѣтей 1801 года” (Русскія народныя картинки / Собраль и описаль Д. Ровинскій. Кн. II. Листы историческіе, календари и буквари // Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. – Санкт-Петербургъ, 1881. – Т. 24. – С. 503–509).

¹⁵ МК (инв. № 1335).

хизис имел отдельный заголовок: “**Стефана зизаніа Изложене о православной вѣрѣ. Коробиꙗ пытаньеꙗ и ѿповѣданьеꙗ**, для латвѣйшаго вырозумѣня, хртїянскиꙗ дѣтеꙗ. Странныи пытаеꙗ зловѣрныи, Аправославы(и) блговѣрныи ѿповѣдаетъ” и состоял из двух частей (собственно вопросно-ответной части о вере и повествовательной – “О знаменіи крестном”, л. 44 об.). Фрагменты этого катехизиса с целым рядом более или менее существенных изменений перепечатывались в букварях московской печати (1657, 1664, 1679, 1704 и 1708), а также проникли в рукописную традицию¹⁶.

В том же 1596 г. в качестве приложения к своей книге “**ГРАММАТИКА СЛОВЕНСКА Сѣвер’шенѣа искусства осми частїи слова, и нынѣ нѣждныꙗ**” (Вильно: братская тип.) Лаврентий Зизаний поместил “**Толкованїе Молитвы которои наѣчилъ гь іс хс оꙗчениквѣхъ своихъ**” (л. 88 – 90 об.) – развернутое толкование отдельных просьб “Отче наш”, выполненное в катехетическом ключе. По мнению М. Возняка, текст представляет собой компиляцию из целого ряда католических авторов, хотя в нем и заметны следы авторской работы Лаврентия¹⁷. В полном виде “Толкование” было воспроизведено в катехетическом сборнике “**Сѣверанїе вѣкрѣтце словесѣ ѿ Бжѣственаго писанїа** [...]” (Угорцы: тип. Павла Домжив-Лютковича, 1618, л. 5 об. – 12). “Толкование” Лаврентия примечательно тем, что построчное объяснение молитвы “Отче наш” не встречается в школьных катехизисах (редкое исключение – Львовское издание 1790 г.), хотя входит в качестве самостоятельного раздела во все православные и греко-католические катехетические сочинения XVII в.

М. Возняк считает, что братья Зизании первыми инициировали в украинско-белорусской традиции практику помещать катехизис в качестве приложения к букварю¹⁸, а уже в XVII в. это становится нормой для учебной литературы¹⁹. Украинско-белорусские букварные катехизисы сформировались, со всей очевидностью, под влиянием польских католических учебников. Если во Львовском и Острожских изданиях Ивана Федорова прослеживается преемственность с предшествующей рукописной традицией²⁰, то в букварях Виленского православного братства уже очевидны следы заимствований. Принципиальным для последующей украинско-белорусской традиции можно считать

¹⁶ См.: Горбач О. Чи копія частини невіднайденого катехизму Степана Зизанія? // Bogoslovia. – V. 48. – 1984. – С. 43–58 (в приложении на с. 51–57 приведена редакция текста Ст. Зизанія из рукописного старообрядческого сборника второй половины XVII в.); Отдел рукописей Научной библиотеки НАН Украины им. В. Стефаника, г. Львов. – Ф. 77 (Коллекция А. Петрушевича) – № 102. – Л. 169–172 об.; Государственный Исторический Музей, г. Москва (далее – ГИМ). – Синодальное собрание. – № 937. – Л. 31 об. – 40. В перечисленных рукописях фрагмент о крестном знаменіи отсутствует.

¹⁷ Возняк М. С. Граматика Лаврентія Зизанія з 1596 р. // Записки Наукового Товариства імені Шевченка (далее – ЗНТШ). – Львів, 1911. – Т. СІІ. – С. 36–46.

¹⁸ Там же. – Т. СІ. – С. 5–38.

¹⁹ Отчасти схожие тенденции были характерны и для рукописных азбуковников XVII–XVIII вв. Если в более ранний период они сводились главным образом к алфавитному перечню и толкованию встречающихся в религиозных текстах иноязычных слов (От азбуки Ивана Федорова до современного букваря / Сост. В. П. Богданов, Г. В. Карпюк. – Москва, 1974. – С. 11), то со временем они расширяются за счет подборки текстов энциклопедического характера, в том числе и о вере (Карповъ А. Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой бібліотеки. – Казань, 1877; Мордовцевъ Д. О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в. // Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторїи и древностейъ російскихъ при Московскомъ университетѣ. – 1861. – Кн. IV. – С. 1–102). Тексты о вере были организованы в азбуковниках зачастую в катехетической (вопросно-ответной) форме.

²⁰ Лукьяненко В. И. Азбука Ивана Федорова. – С. 225.

букварь, изданный в братской типографии в Евье в 1618 г.²¹ Одним из его составителей мог быть Мелетий Смотрицкий, “Грамматика” которого вышла в Евье в 1619 г.²² Букварный катехизис 1618 г., правда, несколько шире по составу, чем предшествующие ему польские памятники. Если попытаться обобщить, то структуру польских букварных катехизисов XVI – начала XVII вв. можно схематически представить так: молитвы “Отче наш” и “Радуйся, Мария”, апостольский символ веры, декалог, “сумма закона” (заповедь любви к Богу и ближнему и позитивная формулировка так называемого “золотого правила”, Лк. 6:31), дела милосердия, смертные грехи и грехи, вызывающие к отпущению, 7 даров Св. Духа, 8 евангельских блаженств, 50-й покаянный псалом (*Miserere mei Deus*) и 130 псалом (*De profundis*)²³. Перечисленные составляющие совершенно идентичны тому набору текстов религиозного содержания, который был рекомендован в качестве обязательного минимума в первом печатном трактате по польской грамматике²⁴. Католические букварные катехизисы заимствовали, как правило, схему средневековых (первоначально – устных) катехетических поучений. В Евьенском букваре апостольский символ веры был заменен символом I и II Вселенских соборов; появились исповедания Афанасия и Амвросия-Августина, 6 совершенств Нового Завета, “правда естественная”, “правда законная”; приводилась более детальная схема грехов и добродетелей, а также “четыре вещи последние”. Такой состав катехетической части был нетипичен и для последующей польской букварной традиции. Можно предположить, что в данном случае составители букваря 1618 г. использовали в качестве источника не букварные, но иные школьные катехизисы католического происхождения²⁵. К самым распространенным для той эпохи принадлежат тексты иезуитов Петра Канизия (1521–1597) и Якуба Ледесмы (1519–1575). Они были доступны как в польском переводе (Канизия впервые перевели уже в 1570 г., Ледесму не позднее 1595 г.), так и в славянских (оба издания: Венеция, 1583 г.). В 1585 г. в Вильно был напечатан и перевод Канизия на старобелорусский язык²⁶.

Начиная с издания Евье 1618 г. вплоть до конца XVIII в. большинство букварных катехизисов можно условно поделить на три группы (по месту издания самого раннего

²¹ Известны только два экземпляра: в Королевской Библиотеке в Копенгагене и библиотеке лондонских юристов “Middle Temple”. В статье используется подробное описание букваря: *o. Надсон А.* Еўеўскі буквар 1618 г. // Божым шляхам. – 1973. – Год XXI. – N. 1(135). – С. 3–9. В качестве примечания необходимо отметить, что данный букварный катехизис стал моделью для московских изданий данного жанра XVII в., вплоть до “Славяно-греко-латинского” букваря Федора Поликарпова 1701 г.

²² Одним из аргументов в пользу авторства Смотрицкого служит фрагмент предисловия “Грамматики”, гласящий: “Дѣткамъ оучитися починаючимъ Букварь звыкле рекши Алфавитгарь з тои(ж) граматѣки вычерпанный до вычѣна подаванъ нехай бѣдетъ” (л. 3 об.). Цит. по: Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой; предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремнёвой. – Москва, 2000.

²³ Нумерация псалмов в источниках дается по древнееврейской Библии.

²⁴ *Zaborowski St.* Orthographia seu modus recte scribendi et legendi Polonicum idioma quam utilissimus. – Kraków: Florian Ungler, 1514/1515. – К. 5v. Ранние польские буквари описаны в: *Piżożyński J.* O poznańskim drukarzu Piotrze Sextiliis z Obrzycka i o polskich elementarzach XVI w. // *Studia Historyczne.* – 1985. – Т. XXVIII. – З. 1. – С. 3–14; *Pilarczyk F.* Elementarze polskie od ich XVI-wiecznych początków do II wojny światowej. Próba monografii księgoznawczej. – Zielona Góra, 2003.

²⁵ Катехизисам протестантским подобная рубрикация была не свойственна. В Евангелическо-Аугсбургской Церкви при составлении школьных катехизисов за основу брался чаще всего “Краткий катехизис” Мартина Лютера (1529), реже – один из катехизисов Филиппа Меланхтона (1523, 1536, 1543); в Евангелическо-Реформатских Церквях моделью зачастую служил “Женевский катехизис” Жана Кальвина (1542).

²⁶ См. фототипическое издание: *Falowski A.* Język ruskiego przekładu katechizmu jezuickiego z 1585 roku. – Kraków, 2003 [=Studia Ruthenica Cracoviensia: 2].

экземпляра группы): евѣнская, черниговская и супрасльская²⁷. В состав евѣнской группы вошли издания: Виленского православного братства Св. Духа (Евѣе, 1618; Вильно, 1643²⁸, 1645²⁹, 1652³⁰); Спиридона Соболя (Кутейно, 1631³¹; Могилев, 1636³²); Могилевского Богоявленского монастыря 1649³³ и Кутейнского монастыря 1653³⁴.

Черниговскую группу образуют буквари: Черниговского Троице-Ильинского монастыря (1743³⁵, 1749³⁶, 1755³⁷) и Киевской Лавры 1760³⁸.

К супрасльской группе относятся издания Супрасльского монастыря (1715³⁹, 1737⁴⁰, 1754⁴¹, 1761⁴², 1792⁴³) и Виленских василян (1767⁴⁴, 1782⁴⁵); им близки по содержанию, но не во всем идентичны буквари Почаевского монастыря (1748⁴⁶, 1798⁴⁷, 1800⁴⁸) и Львовского братства (1766⁴⁹). К этой же группе с полным правом (исходя из содержания) можно отнести польскоязычное издание букваря из типографии Яна Галембевского, г. Перемышль (б. г.)⁵⁰.

Отдельную группу образуют: букварь Уневского монастыря 1698⁵¹ и грамматика (фактически – букварь) Киевской Лавры 1705⁵²; особняком стоит издание Львовского Ставропигийного Института 1790 г.⁵³.

Остановимся подробнее на составе типовых букварных катехизисов.

Все пространные (не школьные) катехизисы XVII в. излагают основные положения христианского вероучения в рамках толкования символа веры. Букварные катехизисы приводят два исповедания – Никео-Константинопольское и символ, приписывае-

²⁷ Данная классификация носит исключительно рабочий характер и не претендует на полноту, потому что автору пока недоступен ряд украинско-белорусских букварных изданий. Существует также ряд изданий, который может быть отнесен к той или иной группе с большими оговорками или совершенно не подпадает ни под какую группу. Эти издания будут оговорены особо.

²⁸ Музей кн. Чарторьских, г. Краков (34033 I). Букварь впервые в библиографии упоминается в: *Jaroszewicz-Piereslawcew Z. Druki cyrylickie z oficywn Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XVIII wieku. – Olsztyn, 2003. – S. 184.*

²⁹ Университетская библиотека, г. Упсала; микрофильм МК (7-57/55).

³⁰ ГИМ (Царск. Б. 54).

³¹ Национальный Музей, г. Львов (Сдк 445).

³² ГИМ (Хлуд. 126).

³³ Университетская библиотека, г. Упсала; микрофильм МК (7-57/57).

³⁴ Национальная Библиотека, г. Варшава (Суг. XVII. 0. 19).

³⁵ Российская Национальная Библиотека, г. Санкт-Петербург; микрофильм МК (7-62/182).

³⁶ МК (инв. 5522).

³⁷ Библиотека Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург; микрофильм МК (7-63/7).

³⁸ МК (инв. 3826).

³⁹ Львовская научная библиотека НАН Украины им. В. Стефаныка (I 4308).

⁴⁰ Национальный Музей, г. Львов (Сдк 1774). Издание, не зафиксированное в сводном каталоге “Книга Беларусі: 1517–1917”. В каталоге супрасльских изданий данный букварь фиксируется без указания местонахождения экземпляра (*Cubrzyńska-Leonarczyk M. Katalog druków supraskich. – Warszawa, 1996. – N. 103.*)

⁴¹ Научная Библиотека НАН Украины им. В. Стефаныка (I 3855).

⁴² МК (инв. 3835).

⁴³ МК (инв. 3847).

⁴⁴ МК (инв. 1507).

⁴⁵ МК (инв. 1508).

⁴⁶ Библиотека Ягеллонского Университета, г. Краков (189432 I).

⁴⁷ Библиотека Ягеллонского Университета (51796 I).

⁴⁸ Музей кн. Чарторьских (33999 I).

⁴⁹ Музей кн. Чарторьских (34000 I).

⁵⁰ Львовская научная библиотека НАН Украины им. В. Стефаныка (I 12726).

⁵¹ ГИМ (Щап. 248).

⁵² Университетская библиотека, г. Упсала; микрофильм МК (1-55/5224).

⁵³ Национальный Музей, г. Львов (Сдк 1261); Национальная Библиотека, Варшава (Суг. 39).

мый Афанасию Александрийскому (293–373). Первый из них, именуемый исповеданием I и II Вселенских соборов (и приводимый в тексте именно в такой двухчастной форме везде, кроме изданий супрасльской группы), не связан непосредственно с катехетической частью и приводится в разделе “**Молитвы отрочати хрїстїанскомѣ**”. Так было и во всех печатных букварях и азбуках до появления в них катехизисов. Особый интерес представляет исповедание Афанасия (“**Символь, во ст҃ыхъ ѿца нашего аѳанасїа, патрїарха александрїйскаго**”). Оно встречается не только в букварях, но во многих украинско-белорусских печатных часословах и полууставах XVII–XVIII вв.; упоминается исповедание и в рукописных азбуковниках⁵⁴. Впервые символ Афанасия был напечатан в Виленском издании “**Молитвы повседневные**” 1596 г. (л. 89–91, 2-го счета).

Считается, что символ является компиляцией, составленной на Западе не ранее конца V в.; первые переводы на греческий язык датируются XIII в. В пользу его “латинского” происхождения свидетельствуют в том числе и встречающиеся в тексте формулировки Августина (например, из “*Sermones de traditione*”, 212–214). По начальным словам латинского текста исповедание также называют “*Quicumque*”. Текст состоит из вступления, заключения и 40 коротких фраз, распадающихся, в свою очередь, на две части: первая (фразы 1–26) излагает учение о трех лицах Бога при единстве сущности, вторая (фразы 27–40) – о двух естествах Иисуса Христа при единстве лица. Каждая из частей имеет логически законченную форму и может выступать как самодостаточный в смысловом отношении фрагмент. Исследователи считают, что в литургических книгах Православной Церкви исповедание Афанасия появляется не ранее конца XVI в.⁵⁵ В букварях этот символ помещался или перед началом части катехетической (как в евѣнской и черниговской группах), или сразу после нее (группа супрасльская). В последнем случае приводится только первая часть исповедания о триничности Бога. Примечательно, что в катехизисе Стефана Зизания в издании “**Наѣка къ читаню**” символ Афанасия не упоминается, но текст выстраивается фактически как толкование этого исповедания веры; текст Зизания состоит (как и у Афанасия) из двух частей: о Боге, ипостасях Троицы, сходстве и различии их свойств; и отдельно с подзаголовком “**Ѡ въчловеченїи Господни**” – о воплощении Христа⁵⁶. Отличие текста Зизания от Афанасия состоит в том, что у украинско-белорусского автора больше внимания уделяется вопросу об исхождении Св. Духа, обширнее раздел о двух природах Христа (сколько ипостасей, воля и действий). В тексте Зизания, таким образом, акцентировались наиболее актуальные вопросы православно-католической и православно-протестантской полемики тех лет.

В католических катехизисах символ Афанасия зачастую приводился в качестве подтверждения аутентичности учения о *filioque*. Например, в специально (для целей пропаганды) подготовленном по распоряжению папы Григория XIII переводе катехизиса иезуита Петра Канизия на словенский язык (с большим числом чехизмов) именно текст Афанасия и используется в качестве единственного и главного доказательства⁵⁷.

⁵⁴ Карповъ А. Азбуковники или алфавиты ... – С. 138–139.

⁵⁵ Balter L. Atanazjański symbol wiary // Encyklopedia Katolicka. – Lublin, 1973. – Т. 1. – Kol. 1024–1025.

⁵⁶ В рукописных редакциях этого текста вторая его часть зачастую не приводится.

⁵⁷ Сумма. Наука хрїстїанскога частнаго научителїа Богослова Петра Канисїе, тоумачена изъ Латинскога языка оу Словинскы. – Рим, 1583. – Л. 11 об. Перевод был сделан каноником Шимоном Будиничем из Задара. Подробнее о переводе см.: Головацкий Я. Ф. Библиографические находки во Львове // Записки Императорской Академии наук. – Санкт-Петербург, 1873. – Т. XXII. – Кн. 2. – Прил. 4. – С. 31–34.

В анализируемых букварных катехизисах *filioque* есть только в текстах супрасльской группы, при этом об исхождении Св. Духа и от Отца, и от Сына говорится как в символе Афанасия, так и в Никео-Константинопольском символе веры.

В катехизисах евьенской и супрасльской групп встречается еще одно исповедание веры – Амвросия и Августина (в первом случае оно именуется “**исповѣданіе... стѣхъ оцѣ нашихъ**”, хотя ни Амвросий, ни Августин в Православной Церкви святыми не считались). Ни в одном из пространных украинско-белорусских катехизисов этот символ веры не упоминается. Иногда он называется исповеданием только Амвросия. Данный текст (составленный по легенде в 387 г. Амвросием Медиоланским в качестве краткого исповедания веры, чтобы подготовить Августина к принятию таинства крещения) является, предположительно, греческого происхождения (по крайней мере, вступительная его часть), но наибольшее распространение получил именно в Западной Церкви. Первые греческие переводы (не ранее VI в.) делаются именно с латинского языка. Текст состоит из двух частей: строфы 1–21 (более ранние) составлены ритмической прозой, и в их основу был, вероятно, положен гимн благодарения; строфы 22–40 составлены обычной прозой из фрагментов псалмов (28(27):9, 31(30):2а, 33(32):22, 123(122):3а, 143(142):2). В католической традиции символ Амвросия-Августина был известен как гимн “*Te Deum laudamus*” и использовался во время богослужений уже у ранних бенедиктинцев⁵⁸. Характерно, что в Виленских изданиях “Молитв повседневных” 1596 (л. 87–88 об., 2-го счета) и 1611 гг. (л. 4 об. – 5 об., 6-го счета) он приводится как *исповедание*, а в ряде букварных изданий XVIII в. именуется уже *гимном* Амвросия⁵⁹.

Собственно катехетическая часть в букварях начиналась с декалога. Заповеди Ветхого Завета, которые являются своего рода костяком любого католического и протестантского катехизиса, впервые приводятся в грамматике 1618 г. (Вильно: тип. Мамониной): “**Слова мовенъные Ѡ Гдѣ, къ Монсею**” (со ссылкой на Исх. 20) (л. 21)⁶⁰. Фактически развернутой формулировкой десяти заповедей в этой грамматике и ограничивается часть катехетическая. В последующих изданиях раздел именовался “**Десять заповѣдй Бжїа, на двѣхъ скрижалѣхъ монсею преданыя**”⁶¹. Формулировки предписаний декалога несколько отличны в разных группах: если в евьенской версии они пространные (фактически – дословная цитата из книги “Исход”), в черниговской – развернутые, но не столь детализированные как в первом случае, то в изданиях супрасльской группы перечисление ограничивается весьма лаконичными формулировками. Еще одно отличие заключается в том, что в евьенской и черниговской группах вторая таблица (то есть предписания, адресованные к ближнему) начинается с 5-й заповеди, а в супрасльской – с 4-й. В последнем случае фрагмент “**Азъ есмь Гдѣ Бгъ твой, изведый тѣ Ѡ земля египетскїа, из домѣ работы**” приводится как общее вступление к декалогу, а не как 1-я заповедь первой таблицы⁶². Отличия можно усмо-

⁵⁸ The Oxford Dictionary of the Christian Church / Ed. by F. L. Cross. – Oxford, 1977. – P. 1326.

⁵⁹ См. также: Ясиновський Ю. Українські та білоруські нотолінійні Ірмолої 16–18 століть. Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження. – Львів, 1996. – №№ 46, 47, 51, 55, 79, 94, др.

⁶⁰ Бодлейанская библиотека; микрофильм МК (7-65/442).

⁶¹ Декалог сформулирован в Ветхом Завете в книгах Исход (20:1–17) и Второзаконие (5:6–21) (с небольшими разночтениями), и в иной редакции – в книге Левит (19:3–19). В букварных катехизисах приводится версия книги “Исход”.

⁶² Существуют разные традиции группировки ветхозаветных заповедей. Например, Филон Александрийский и большинство Восточных Отцов Церкви запрет поклоняться другим богам и запрет создавать

треть и в том, как формулируется предписание о почитании дня, посвященного Богу: в евьенской группе заповедь повелевает “**дѣнь сѣботный сѣтити**” (Могилев 1649, л. 22 об.). В черниговской формулировка расширяется за счет уточнения: “**Помни дѣнь сѣботный сѣість недѣльный, сѣтити его**” (Чернигов 1749, л. 24 об.) или “**Помни дѣнь сѣботный (в новой бѣгодати недѣльный) сѣтити его**” (Киев 1760, л. 23 об.). В супрасльской группе заповедь вновь приобретает лаконичную форму, но на этот раз предписывает “**паматѣй дѣнь недѣльный сѣтити**” (Вильно 1782, л. 10 об.).

Евангельские заповеди блаженства (“**Девять бѣженствъ еѣлскіѣ**”), перечислением которых начинается Нагорная проповедь Иисуса Христа, приводятся в букварных катехизисах евьенской группы после декалога и заповеди любви и являются как бы смысловым их продолжением; дается развернутая формулировка со ссылкой на Евангелие от Матфея (кн. 5) (Могилев 1649, л. 27–28 об.). В изданиях черниговской группы заповеди блаженства от декалога оторваны, и приводятся после каталога грехов и добродетелей в лаконичной и произвольной форме: “**Волная нищета. Плачь за домовная прегрѣшенія. Кротость. Желаніе правды. Милость. Чистое сѣще. Миръ. Терпѣніе. Изгнаніе правды ради**” (Чернигов 1749, л. 26 об.). В супрасльских изданиях евангельские блаженства фактически замыкают стандартную катехетическую часть, и также расположены после перечисления грехов. Но здесь приводится развернутая цитата из Нагорной проповеди. Буквари евьенской и черниговской групп, а в равной степени и пространные украинско-белорусские катехизисы, приводят 9 заповедей блаженства, в то время как в католической традиции принята цифра 8: стих Мф. 5:11 “Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить на Меня” интерпретируется не как отдельное блаженство, но как обобщающее обращение Иисуса Христа к апостолам. Катехизисы супрасльской группы опираются на католическую схему.

“**Три добродѣтели бѣгословныя**”. В этом разделе приводятся богословские добродетели вера, надежда, любовь. Категория “богословских” добродетелей была известна еще в патристическую эпоху; ее выводили из фрагмента Первого послания ап. Павла к Коринфянам (13:13). В XVII в. большинство пространных и православных, и католических катехизисов структурировалось исходя из этих трех добродетелей.

“**Четыре добродѣтели еѣлскія**”. Набор этих добродетелей имеет свои особенности во всех трех букварных группах. В евьенской приводятся “**мѣрость, цѣломѣріе, правда, мѣжество**”, и даются отсылки на послание апостола Павла к Титу (гл. 2) и

изображения Иеговы рассматривали как две самостоятельные заповеди, а запрет посягать на жену и имущество ближнего – как одну. Такое деление закрепилось в Православной и в Евангелическо-Реформатских Церквях. Традиция, восходящая к Оригену и Августину, а также утвердившаяся в Католической и Евангелическо-Аугсбургской Церквях, объединяла запрет поклонения чужим богам и создания образов Иеговы, но рассматривала как самостоятельные заповеди “Не пожелай жены ближнего твоего” и “Не пожелай имущества ближнего твоего” (*Each St. Dekalog // Encyklopedia katolicka*. – 1989. – Т. 3. – Кол. 1107–1108). Соответственно, в первом случае предписания второй таблицы начинались с 5-й заповеди, а во втором – с 4-й. Таким образом, можно утверждать, что в супрасльской редакции дается схема, которая чаще всего использовалась католическими авторами. Необходимо при этом оговориться, что в самом раннем букваре этой группы (1715 г.) схема декалога соответствовала традиционной православной и походила на евьенскую и черниговскую. Католическая схема встречается впервые в издании Супрасль 1737. Изменения могли быть внесены, предположительно, под влиянием катехизиса, утвержденного Замойским собором 1720 г. См.: **Собраніе припадковъ краткое имѣющее в себѣ наѣкъ, како подоваеть наставляти малыѣ, или невѣжов, въ вѣры Православной**. – Супрасль, 18.1.1722. – Л. 150 об.

ветхозаветную “Книгу Премудрости Соломона” (гл. 8). В первом случае перечисленные добродетели в качестве единой системы не приводятся, хотя почти все из них (кроме мужества) могут быть реконструированы из текста. В “Книге Премудрости” (8:7) действительно дается схема основных добродетелей, но сначала идет целомудрие, а на втором месте стоит мудрость. Издания черниговской группы (без библейских отсылок) воспроизводят схему евьенских.

В супрасльской группе данные добродетели называются не евангельскими, но главными (“головныя”), и в схеме вместо целомудрия приводится “трезвение” (Вильно 1782, л. 12 об.). В католической традиции эти добродетели также именовались главными или кардинальными.

“Седемь таин” новаго завѣта”. Схема таинств практически идентична во всех трех группах. Первые четыре образуют крещение, миропомазание, евхаристия и покаяние. Отличается последовательность трех последних: священство, брак и елеопомазание (евьенская и черниговская группы) и елеопомазание, священство и брак (супрасльская). Трудно сказать с какой-либо определенностью, имела ли та или иная последовательность таинств богословское обоснование. Но совершенно очевидно, что супрасльская схема совершенно идентична той, которая начинает превалировать в Католической Церкви после Тридентского собора (1545–1563) (до которого схема таинств была достаточно подвижной) и приводится в “Римском катехизисе” (1566), обобщающем доктринальные постановления собора.

“Седемь даровъ дѣа свѣаго”. В этом разделе на основании фрагмента ветхозаветной книги Исаяи (11:2–3) перечисляются качества, обретаемые человеком в результате воздействия на него Св. Духа: **“Премѣдрость, разѣмъ, совѣтъ, возможность, оумѣнїе, бѣговѣнїе, и воазнь Бжїа”**.

Содержание раздела **“Плоди дѣа свѣаго”** (в евьенской группе именуется несколько иначе: **“Девять плоды Дѣа чловека ѿ Дѣа свѣаго бл҃гїи”**) также ничем не отличается в текстах всех трех групп. Как правило, или буквально излагается содержание отрывка из послания ап. Павла к Галатам (5:22–23), или библейская цитата приводится с некоторыми добавлениями: **“Лювы, радость, миръ, терпѣнїе, вѣгость, мѣрдїе, долготерпѣнїе, тихость, вѣрность, кротость, во³держанїе, и чистота”**.

“Седемь грѣховъ смертныхъ, имже противолежатъ ч҃тныя добродѣтели”. В текстах евьенской группы раздел именуется несколько иначе (**“Седемь грѣховъ тя^жчайши”**) и перечисляются без противопоставления добродетелям. Схема греховных деяний (со ссылкой на Иоанна Кассиана) выглядит в этом случае так: **“чревоуѣсїе, стѣдодѣянїе, сребролюбїе, гнѣвъ, оунынїе, тщеславїе, гордость”** (Могилев 1649, л. 29 об.), соответствуя фактически самой ранней из известных классификаций, восходящих к Евагрию Понтийскому (IV в.) (пропущена лишь печаль, стоявшая у раннехристианского подвижника на четвертом месте между сребролюбием и гневом, и считавшаяся исключительно монашеским пороком).

В изданиях черниговской и супрасльской групп перечисление грехов приводится с противостоящими им добродетелями.

Супрасльские буквари для обозначения смертных грехов используют понятие “головные” и дают такую классификацию: **“гордость, лихонство, нечистота, или любосластїе, завидѣнїе, овяденїе, гнѣвъ, лѣннвость до слѣжвы Бжїа”** (Вильно

1782, л. 12). В качестве противостоящих данным греховным деяниям добродетелей приводятся: **“смиреномѡдрїе, щедрота, чистота, бѡгоѡтробїе, мѣрность, терпѣніе, тѣлаиное набоженство”** (л. 12). Схема смертных грехов в данном случае полностью совпадает с более распространенной в Католической Церкви схемой папы Григория Великого (ок. 540–604); в украинско-белорусских катехизисах аналогичная схема встречается в кратком катехизисе Петра Могилы⁶³.

В черниговской группе грехи тоже противопоставляются добродетелям, и этот раздел даже графически организован в две колонки:

гордости	смиренїе
сребролюбїю	бѡгоѡтробїе
вѡдѡдѡ	цѣломѡдрїе
гнѣвѡ	терпѣніе
чревоуенствствѡ	постѣ
зависти	братолюбїе
оцныиїю	молитѡа (Чернигов 1749, л. 26 об.).

В Киевском букваре 1760 между столбцами добавлена надпись по вертикали “ейже противится” (л. 25 об.)⁶⁴. В основе такой классификации также явно лежит схема Григория Великого: перечисление завершает восходящее к оригиналу “уныние”, но иная последовательность грехов гнев, обжорство, зависть.

“Седемъ дѣлъ мѡрдїа”. Характеристика подобающих христианину проявлений милосердия по отношению к ближнему дается на основе евангельского фрагмента (Мф. 25:35) (в текстах евѣенской группы есть еще отсылка на 1 главу ветхозаветной **“Книги Товита”**). Тексты черниговской и супрасльской групп рассматривают отдельно дела **“милости тѣлесныя”** и дела **“милости дѡховныя”**. Только первые из них имеют соответствие в Евангелии от Матфея.

“Три совѣти еблстїи”. В этом разделе перечисляются три состояния, характеризующие нравственно совершенного христианина: **“Гамовольнаа ницета. Всегдашнаа чистота, и послушанїе, совершенное человекѡ ради бѡга”** (Чернигов 1747, л. 25–25 об.). Эти советы восходят к текстам Евангелий (соответственно, Мф. 19:21; Мф. 19:12; Ин. 8:29), и как в западной, так и в восточной христианской традициях составляют суть монашеских обетов. У ряда украинско-белорусских авторов бедность, целомудрие и послушание именуются евангельскими добродетелями (с оговоркой, что они более всего соответствуют состоянию иноческому)⁶⁵.

⁶³ **Собранїе короткон наѣки ѡ артикулѡх вѣры**. Київ, 1645. На последнем месте как в букварях супрасльской группы, так и в данном издании Петра Могилы стоит в соответствии с традицией западного богословия той эпохи лень, а не уныние как было в оригинальной схеме Григория Великого (см.: *Wenzel S. The Sin of Sloth: Acedia in Medieval Thought and Literature*. – Chapel Hill, 1967).

⁶⁴ Автору данного исследования известны только два примера графического изображения схемы грехов и добродетелей в школьных катехизисах. В первом случае речь идет о сочинении иезуита Роберто Беллармино (*Compendium Doctrinae Christianae iussu S. D. N. Clementis VIII. ad instructionem puerorum, et simplicium ... compositum*. – Cracoviae, 1606. – P. 41), во втором – о славяно-греко-латинском букваре Ф. Поликарпова (Москва, VI. 1701; МК, инв. 8226. – Л. 53 об.).

⁶⁵ *Гаятовский I. Грѣхи розмантїи // Гаятовский I. Ключ розумїня / Підгот. до вид. I. П. Чепїга*. – Київ, 1985. – С. 385.

“Пять чвствъ тѣлесныхъ”. Здесь приводится стандартная (в том числе и для патристической литературы) классификация чувственных способностей человека (“видѣніе, слышаніе, овананіе, вкушеніе, осазаніе”)⁶⁶.

“Четыри вещи послѣднія”. Данный раздел является своеобразным логическим завершением катехетической части, и посвящен тому, что ожидает христианина: “смерть, судъ послѣдній, адъ, и царство небесное” (Вильно 1782, л. 13) (в евѣенской и черниговской группах вместо “ада” указывается “геенна”).

Помимо перечисленных выше разделов, встречающихся во всех букварных катехизисах, есть также сюжеты, характерные только для двух или даже для одной группы.

Раздел, посвященный заповеди любви к Богу и ближнему встречается в букварях евѣенской (“Двѣ Заповѣди Ветхого завѣта, вни^х же весь законъ и Прѣрци висятъ”) и супрасльської (“Любовь Бѣга, и Ближняго”) групп. Формулировки заповеди любви совершенно идентичны, несмотря на различное наименование раздела: в первом случае заповедь атрибутируется исключительно как ветхозаветная. Но, с другой стороны, только в букварных катехизисах евѣенской группы есть раздел “Шесть совершенства Новаго завѣта совершающа^{го} Заповѣди Ветхого завѣта”, где речь идет об уточнении Христом предписаний Ветхого закона в Нагорной проповеди через противопоставление “Вы слышали, что сказано древним ... А Я говорю вам...”. Данный раздел выступает как противопоставление не заповеди любви, но десятизловия. Примечательно, что эта тема в качестве самостоятельной выделяется в больших катехизисах только у Лаврентия Зизанія: раздел “О шести совершеніи новаго завѣта, еже исправляютъ и исполняютъ заповѣди ветхого завѣта” он также поместил после толкования предписаний декалога и в качестве противопоставления последнему (л. 197–199 об.).

В букварях евѣенской группы есть еще целый ряд разделов, нетипичных для других групп. Молитва, пост и милостыня как главные формы внешнего выражения веры объединены в разделе “Три добродѣтели добротворенія”.

“Правда Естественная” представляет собой по сути позитивную (то есть предписывающую) формулировку т. н. “золотого правила”: “Снце творити Члѣкомъ, іакоже намъ ѿ нихъ творимо быти хоцѣмъ” (Могилев 1649, л. 30–30 об.). Аналогичные формулировки дважды встречаются в текстах Евангелий: от Матфея (7: 12) и от Луки (6: 31); в букварном катехизисе есть отсылки на данные тексты, но неверно указываются книги (соответственно, Мф. 6 и Лк. 7). “Золотое правило” в его негативной (то есть запрещающей) формулировке (Тов. 4: 15: “Что ненавистно тебе самому, того не делай никому”) отдельно в букварных катехизисах нигде не приводится, хотя встречается в молитвенной части тех букварей, которые по своей структуре и по составу текстов для чтения восходят к Львовскому изданию 1574 г. Негативная формулировка дается в разделе, где излагаются поучения Товита: “еже ненавидиши никомѣже твори”⁶⁷.

⁶⁶ См., например: *Иоанн Дамаскин*. Точное изложение Православной веры. – Москва; Ростов-на-Дону, 1992. – Кн. II. – Гл. XVIII.

⁶⁷ Грамматика[...]. – Вильно: тип. Мамоничей, 1621. – Л. 27 (Бодлейанская библиотека; фотокопия МК без шифра). В католических школьных катехизисах (например, у Канизія) “золотое правило” приводится в обеих формулировках; более того, оно выступает как смысловая интерпретация библейского предписания возлюбить ближнего: “А каково есть обобщение заповеди о любви к ближнему? – Чего себе не желаешь, того другим не делай. Всѣ же, что вы желаете, чтобы люди вам делали, также и вы им делайте” (Institutiones christianae pietatis seu parvus catechismus catholicorum. Auctore P. Petro Canisio Societatis Iesu theologo. – Vilnae,

“Правда Законная” – “Предстати ѿ зла, а творити блгоє”, представляет собой буквальную библейскую цитату: Пс. 34(33):15; аналогично Пс. 37(36):27⁶⁸. Обозначение “правда законная” применительно к данному библейскому фрагменту и выделение его в качестве самостоятельного предмета рассуждения не характерно для больших православных катехизисов. Примечательно, что эта цитата становится предметом пространной рефлексии в школьном катехизисе Петра Канизия: в последней части текста требование воздерживаться от зла и творить добро интерпретируется как две фундаментальные обязанности христианской справедливости.

Только в изданиях черниговской группы встречается раздел “Пять чѣвствѣ дѣшевныхъ: Оумъ. Смыслъ. Мнѣніе. Мечтаніе. Чувство” (Чернигов 1749, л. 27) – классификация, известная еще Иоанну Дамаскину и названная им “познавательные силы души”⁶⁹.

Исключительно в букварных катехизисах супрасльской группы есть разделы “Три силы дѣшевныя: разумъ, паматъ и воля. Три врази дѣши нашей: дѣволъ, міръ и тѣло”. Также в изданиях этой группы в заключительной части катехизиса приводится подробная классификация греховных деяний (Вильно 1782, л. 13–13 об.). “Грѣхи ѿ ѿмщеніе вопіющій къ Бг҃у: добровольное оубійство, грѣхъ содомскій, оутѣсненіе сирихъ, и оубогихъ, оудержаніе мзды делателемъ”. Данная классификация опирается на ветхозаветные тексты (Быт. 4; Быт. 18; Исх. 22) и Послание ап. Иакова (5:4). Категория “Грѣхи противъ Дх҃а сѣомѣ. Избыточное оупованіе въ мѣрдіе, ѿчапаніе, прекословіе противъ гавной истиннѣ, любвѣ братерской завидѣніе” могла опираться на фрагмент Евангелия от Матфея (12:31–32) о непростительности хулы на Св. Духа. Раздел “Грѣхи чѣждіи. Совѣщаніе на грѣхъ, роказаніе къ исполненію грѣха, произволеніе, воъбжденіе до злаго, похваленіе злыхъ дѣтели, чѣжагв грѣха зловѣщее замолчаніе, престѣпленія неубличеніе, прѣвѣщеніе неправости, зацнценіе чѣжїа злости” не имеет прямого аналога в библейских текстах; католические авторы ссылались на 18 псалом.

Интерес представляют и два помещенных в изданиях супрасльской группы приложения, которые не типичны для других букварей: “Наказаніе дѣтемъ, какв чтити родителей” и “Наѣка для дѣтей”.

“Наказаніе дѣтемъ”, составленное из цитат ветхозаветных книг, состоит из двух частей: первая представляет собой обращенное к детям увещание о почитании родителей (Сир. 3:8–9, Сир. 3:12–16, Тов. 4:5), вторая – советы родителям о воспитании детей (Притч. 23:13–14, Сир. 30:10а, Сир. 30:12). Схожие по содержанию наставлений подборки приводились в азбуках Ивана Федорова и Тимофея Вербицкого, но компиляция, помещенная в букварных катехизисах супрасльской группы, имеет совершенно самостоятельный характер. Со Львовским изданием 1574 г. совпадает только поучение “Не оудалайса младенца наказовати, пакв аще поразниши его жезломъ, не оумретъ, ты во оубв поразниши его жезломъ, дѣшъ же егв ѿ смерти избавиши” (Притч. 23:13–14); фрагмент наставления Товита молодому

1786. – С. 29). В пространных православных катехизисах заповедь любви в форме “золотого правила” встречается только однажды в “Православном исповедании веры” Могилы (Москва, 1696. – С. 180).

⁶⁸ Схожие формулировки встречаются как в Ветхом (например, Иов. 28:28), так и в Новом Завете (Зин. 11).

⁶⁹ Точное изложение Православной веры. – Кн. II. – Гл. XXII.

Товии (“Во вся дни жизни твоєа, чадо помяни Гда Бга твоего, и хранися согрѣшати и престѹпати заповѣди его”, Тов. 4:5) воспроизводился в Виленских грамматиках 1618 и 1621 гг. “Наказаніе дѣтемъ” в полном объеме приводится только в букварях, изданных в монастырских типографиях Вильно и Супрасля (за исключением издания 1792 г., где его нет); Почаевские издания и Львовское 1766 г. ограничиваются только первым из указанных фрагментов из книги “Премѹдрости Инсѹса, сына Сирахова”⁷⁰.

Значительный интерес в букварях супрасльской группы представляет “Наѹка для дѣтей” – дополнительный катехизис, составленный в традиционной для этого жанра вопросно-ответной форме. В то время как проанализированные выше традиционные разделы букварных катехизисов могут быть отнесены к сфере нравственного богословия (потому как они имеют отношение именно к области практического поведения христианина), то “Наѹка для дѣтей” по своему содержанию относится скорее к сфере богословия догматического. Это поучение отсутствует в букварях 1715 и 1737 гг.; с Почаевского букваря 1748 г. оно воспроизводится без изменений везде, кроме Львовского издания 1766 г., в котором помещен другой катехизис.

“Наѹка для дѣтей” состоит из 18 вопросов и ответов, основная часть которых (с 4 по 17-й) посвящена христологическим сюжетам: подробно излагается понимание природы Христа и в хронологической последовательности (или в последовательности символов веры) изъясняются все этапы его спасительной миссии. Выше уже упоминалось, что в изданиях супрасльской группы символ Афанасия дается в неполном виде: отсутствует вторая – христологическая – часть. И по своему содержанию “Наѹка для дѣтей” вполне может рассматриваться как своего рода восполнение (при этом гораздо более детализированное и доступное по изложению) этого отсутствующего фрагмента. Принципиальное с богословской точки зрения отличие “Наѹки для дѣтей” от исповедания Афанасия состоит в том, что в первом тексте появляется концепция двух смертных судов:

– Велѹракій єсть сѹдъ?

– Двоукій. Первый партікуллярный, которымъ кажда дѹша челоѹвѣческаа заразы по выстїи изъ тѣла сѹдима вываєтъ. Второй єнералный, на которомъ всѣ людїє, которїи тылко ѿ початкѹ свѣта даже до скончанїа были, вразѹ сѹдїми бѹдѹтъ” (Вильно, 1782, л. 32).

Помещенный во Львовском букваре 1766 г. катехизис гораздо более пространственный (34 вопроса и ответа) и только в отдельных вопросах напоминает “Наѹкѹ для дѣтей” из других букварей супрасльской группы. Зато в значительной своей части он текстуально совпадает с одним из катехизисов, изданных иезуитами для наставления детей и простонародья во время проведения миссий⁷¹. Во Львовском букваре опущен вопрос, присутствует ли Христос в каждой (пусть самой малой) частице освященной гостии; нет подробного анализа различных категорий грехов и церковных

⁷⁰ В качестве примечания хотелось бы обратить внимание на полное совпадение подборки ветхозаветных текстов в разделе “Наказаніе дѣтемъ” в букварях супрасльской группы и в польско-латинском букваре “Elementa puerilis institutionis. Pluribus in locis reformata, pijsque orationibus ac Doctrina Christiana, nunc recensiter aucta” (Стасовіае, 1736; Национальная Библиотека, Варшава, XVIII.1.1364). Из титула следует, что это – не первое издание.

⁷¹ Katechizm misjonarski Societatis Iesu. Ca. 1770 (b. m.) (Библиотека Ягеллонского университета, 40229 I).

заповедей; не оговариваются условия, когда таинство крещения может совершить и мирянин; не рассматривается подробно подготовка к исповеди и причастию.

Отдельную группу образуют Уневский букварь 1698 и Киевская грамматика 1705 гг. Их катехетическая часть состоит из следующих разделов: декалог (развернутая формулировка, вторая таблица начинается с 5-й заповеди), 6 совершенств Нового Завета (пространная цитата из Нагорной проповеди), смертные грехи и основные добродетели, дела милосердия для души и тела, 9 евангельских блаженств, 7 церковных заповедей. Исповедания веры (I и II соборов и Афанасия) приводятся без *filioque*. Отличительной чертой этих двух изданий является наличие сентенций религиозно-нравственного и светского характера, подобранных по буквам алфавита. Принцип расположения вполне мог быть позаимствован из вышедших уже из употребления акростихов религиозного содержания. Расположенные в алфавитном порядке подборки цитат из Писания и поучений светского характера станут в XVIII в. неотъемлемой частью многих польских букварей и российских учебников гражданской печати⁷².

Появление светских текстов заметно и в украинско-белорусской букварной традиции XVIII в. Например, в составе Львовского букваря 1790 г. была перепечатана **“Полѣтика свѣцкаа ѿ Иностранныхъ Авторовъ кратцеѣ собраннаа младымъ прилична, всѣмъ же обще ваѣпотребнаа”** (л. 44 об. – 52 об.)⁷³. А уже издания последних лет XVIII в. состояли почти исключительно из текстов светского содержания⁷⁴.

* * *

Анализ букварных катехизисов свидетельствует о значительной устойчивости их структуры и содержания на протяжении XVII–XVIII вв. Сложившись под влиянием польских (скорее католических, чем протестантских) образцов и заимствуя элементы западной богословской терминологии, катехизисы евѣнской группы еще сохраняют свойственную Православию специфику интерпретации религиозных истин. Учебники именно этой группы оказали влияние на российскую букварную традицию, начало

⁷² Встречается утверждение, что подборка нравоучительных сентенций из Киевской грамматики 1705 г. была воспроизведена в “Азбуке гражданской со нравоучениями” (Москва, 1710 г.), правленной собственноручно Петром I при выработке гражданского шрифта (Описание изданий напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Ред. и вступ. статья П. Н. Беркова. – Москва; Ленинград, 1958. – С. 122). На самом деле между изданиями 1705 и 1710 гг. ничего общего нет. Факсимильное издание правленного рукой царя экземпляра опубликовано: Санкт-Петербург: Светопечать В. Я. Рейнгардта, 1877. – (Общество Любителей древней письменности. Нумерные издания. № VIII).

⁷³ “Политика” вышла отдельным изданием в типографии Почаевского монастыря в 1770 г.

В составе Львовского издания, в соответствии с букварной традицией, была и подборка религиозных текстов: фрагменты из Послания ап. Павла к Ефесянам об отношении детей и родителей и взаимных обязанностях слуг и господ (6 : 1–4, 5–9; первый из них приводился во Львовской азбуке 1574 г.), катехизис в повествовательной форме, символ I и II соборов (с *filioque*), объяснение молитвы “Отче наш” и порядок богослужения. Катехизис состоит из трех разделов: **“О Божѣ. Что, и каковѣ, и коликойъ есть Богъ нашъ”**, **“О Божіемъ промыслѣ, каковой имѣеть Богъ и обще вѣчномъ его спасеніи”**, **“О законѣ Божіи. Которимъ всякъ человекъ долженъ управлять житіе свое, дабы живота вѣчнаго не лишился”**. По характеру подачи материала данный катехизис больше похож на исповедание веры.

⁷⁴ Например: Букварь для обучения юношества чтенію по Россійски и по Польски. Бердичев: тип. монастыря кармелитов, 1797 (второе издание: тип. Почаевского монастыря, 1799). Помимо грамматической части, букварь включал разделы: “Некоторые разговоры” (фразы для ведения светской беседы), “Приповѣсти” (нравоучительные пословицы), “О алчѣ” (осуждение порока алчности в стихотворной форме), “Гражданское начальное ученіе” (54 сентенции). Букварь завершало стихотворение Г. Р. Державина “Науки юношей питают”.

которой было положено печатной азбукой Василия Бурцова 1634 г. Катехизисы супрасльської групи (или Греко-католические учебники) свидетельствуют о значительно более активном обращении к католическому богословскому опыту, о прямых заимствованиях из авторских школьных катехизисов иезуитов (главным образом – Петра Канизия) и католических элементарных книг начала XVIII в. Это особенно заметно в супрасльских изданиях, вышедших в свет после Замоиского собора 1720 г. Сложнее обстоит дело с изданиями черниговской группы. С одной стороны, они вписываются в традицию евѣнских букварей; с другой же, содержат целый ряд новых элементов. По составу и по последовательности подачи катехетического материала черниговские букварные катехизисы совершенно идентичны славяно-греко-латинскому букварю управляющего и справщика Московской Синодальной типографии, переводчика с греческого Федора Поликарпова. Аналогичные по содержанию учебные пособия встречались и в рукописной традиции⁷⁵. Подобное сходство ряда московских и украинских изданий может объясняться тем, что после указов Святейшего Синода 1721 и 1724 гг. типографии Черниговского Троице-Ильинского монастыря и Киевской Лавры функционировали в условиях цензуры, когда фактически запрещалось издавать какую-либо новую книжную продукцию, кроме перепечатывания прежних церковно-славянских изданий и сверки их с изданиями российскими.

Наблюдение об учебнике Федора Поликарпова как источнике для букварей черниговской группы нуждается в дальнейшей проверке. Но если оно верно, то можно говорить об обратном влиянии московских учебников XVIII в. на украинскую традицию.

Что касается репрезентативности букварных катехизисов в качестве текстов, с помощью которых дети знакомились с основами вероучения и нормами христианского поведения, то в пользу этого могут, среди прочего, свидетельствовать объемы тиражей учебной литературы. По подсчетам Я. Д. Исаевича, учебники (с учетом только украинских типографий) в 1586–1615 гг. составили до 11 % от общего числа изданий; “при этом следует учитывать, – подчеркивает исследователь, – что эти цифры условны, так как... и богословские книги использовались как учебные пособия”⁷⁶. Цифра эта не была стабильной на протяжении XVII в.; но надо принимать во внимание тот факт, что целый ряд изданий до нас просто не дошел. Тиражи же сохранившихся букварей могли колебаться от 600 до 2000 экземпляров. Исаевич утверждает, что число экземпляров выпущенных в Украине букварей в конце XVII – начале XVIII вв. практически равно совокупному тиражу всех прочих изданий⁷⁷. Школьные учебники не имели какой-то жесткой локальной привязки: известно о существовании активного книгообмена, например, между братскими школами Львова и Вильно⁷⁸; грамматика Л. Зизания была широко распространена не только на украинско-белорусских землях, но и в Московской Руси⁷⁹. Были, правда, и другие тексты об основах веры, которые

⁷⁵ Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания (к истории древне-русской письменности и культуры). – Петербург, 1918. – С. 18.

⁷⁶ Исаевич Я. Українське книговидання. Витоки. Розвиток. Проблеми. – Львів, 2002. – С. 307.

⁷⁷ Исаевич Я. Українське книговидання. – С. 326.

⁷⁸ Харламовичъ К. Западнорускія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. – Казань, 1898. – С. 301.

⁷⁹ Кузьмина Е. А. Грамматика Лаврентія Зизанія въ Московской Руси въ первой половинѣ XVII в. (Типы адаптации). Диссертация на соисканіе уч. степени канд. филол. наук. – Москва, 1996; Мечковская Н. В.

предположительно могли использоваться в украинско-белорусской школе. Для начала XVII в. К. Харлампович называет, например, упоминавшийся выше сборник “Събра-
ниє въкра”це словє” и “Книгу о вере” (1619)⁸⁰, а также целый ряд несохранившихся текстов, известных нам только по описаниям библиотек.

Как представляется, широкое распространение текстов катехизисов, использовавшихся в школьной практике, могло иметь большое значение для процессов индоктринации, которые были характерны как для польского Католицизма, так и для украинско-белорусского Православия и Униатской Церкви XVII–XVIII вв. Букварные катехизисы не просто предназначались для самостоятельного ознакомления, но подлежали заучиванию наизусть. Таким образом, с большей долей вероятности можно утверждать, что предлагавшийся ими объем богословского знания (как основы вероучения, так и нормы христианского поведения) был тем минимумом, который дети *реально* усваивали в процессе обучения в школе, а потому букварные катехизисы (наряду с другими памятниками этого жанра) заслуживают дальнейшего и более пристального исследования.

THE UKRAINIAN-BYELORUSSIAN PRIMERS’ CATECHISMS, 17th – 18th CENTURIES

Margarita KORZO

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
14, Volkhonka Str., Moscow, 119992, Russia, tel. (095) 203-93-78*

The given research is dealing with reconstruction of structure and analysis of content of the catechetical texts that formed a part of Ukrainian-Byelorussian cyrillic primers, 17th – 18th centuries. As for the content of the catechisms, they could be divided into 3 groups: *ev’enskaya*, *chernigovskaya*, and *suprasl’skaya*. The Ukrainian-Byelorussian tradition of primers’ catechisms leant upon Polish (rather Catholic, than Protestant) one, and influenced in its turn Moscow tradition. But in the same time, the first group primers in a larger degree preserved Orthodox specific of the religious dogma interpretation; the third one testifies more active use of the Western theological experience. Chernigov primers (as for their structure and content) are similar to Slavonic-greek-latin textbook of Fedor Polikarpov, and are the evidence of the reverse influence of Moscow primers on Ukrainian ones in the 18th century.

Key words: primer, catechism, religious traditions, Ukrainian-Byelorussian old-printed books.

Стаття надійшла до редколегії 23.04.2004

Прийнята до друку 27.12.2004

Грамматики, буквари и риторики в великорусской языковой ситуации второй половины XVII в. // *Slavica Suecana. – Series B – Studies. – Stockholm, 1992. – Vol. 1.*

⁸⁰ Харламповичъ К. Западнорусскія православныя школы... – С. 455–457.